

УДК 94(470.5) + 316.42

С. А. Нефедов

ИСТОРИЯ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ ТРЕХФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА*

Анализируется влияние демографического, технологического и географического факторов на исторические процессы в Уральском регионе. При этом действие демографического фактора рассматривается в контексте неомальтузианской теории, которая постулирует наличие так называемых демографических циклов. Действие технологического фактора рассматривается в рамках диффузионистского подхода. Роль географического проявляется в природных климатических условиях региона, которые обуславливают формирование земледельческих и скотоводческих обществ. До XVI в. история Урала формировалась под влиянием волн нашествий кочевых народов, которые были вызваны совершенствованием вооружения кавалерии. Реформы Ивана IV и создание стрелецкого войска стали причиной первой волны русских завоеваний. Реформы Петра I и создание регулярной армии обусловили вторую волну русских завоеваний и окончательное включение региона в состав Российской империи. После этого завоевания политическая история Урала не имела самостоятельного характера, определяясь социальными процессами в Центральной России. Исторический процесс на Урале сочетал демографические циклы и волны завоеваний, вызванные открытиями в военной технике.

Ключевые слова: Урал; земледельцы; кочевники; демографическое давление; демографический цикл; неомальтузианство; диффузионизм; волны завоеваний; военные технологии.

Трехфакторная факторная модель исторического процесса подразумевает анализ воздействия на историческую динамику трех важнейших факторов: демографического, технологического и географического. Географический фактор задает относительно стационарные внешние условия, а два других являются динамическими и в различные периоды действуют на общество различным образом. Для этих факторов существуют теории, которые позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать их действие. В частности, действие демографического фактора описывается демографически-структурной теорией Дж. Голдстоуна, которая представляет собой современный вариант неомальтузианства [см.: Goldstone]. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования» [Мальтус, с. 22]. В аграрных обществах рост населения приводит к освоению целинных земель, внутренней колонизации, а когда земли становится недостаточно, начинается продвижение земледельцев на неосвоенные окраинные территории — внешняя колонизация. Вплоть до XX в. Урал был периферийной областью России, и история Урала во многом была историей

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)».

земледельческой колонизации. Долгое время крестьянство не испытывало здесь недостатка в земле и хлебе, поэтому на Урале был относительно высокий уровень потребления, в то время как в Центральной России нарастало крестьянское малоземелье и уровень потребления снижался. Неомальтузианская теория утверждает, что падение потребления в конечном счете приводит к голоду, восстаниям и гражданским войнам, т. е. экосоциальному кризису. Экосоциальный кризис означает гибель значительной части населения. Земли и пищи в результате становится недостаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается, и население вновь начинает расти [Нефедов, 2010, с. 12–20; Алексеева, Нефедов, с. 28–34].

Механизм действия технологического фактора описывается группой теорий, объединяемых в концепцию диффузионизма. Согласно одной из этих теорий, «теории культурных кругов», развитие человеческого общества происходит под воздействием фундаментальных открытий — открытий, расширяющих экологическую нишу данного общества, увеличивающие объем его ресурсов. Это могут быть агротехнические инновации, но может быть и новое оружие, позволяющее увеличить территорию обитания за счет окружающих народов. Фундаментальные открытия дают освоившему их обществу решающие преимущества перед другими народами и порождают волну военной, экономической, культурной экспансии. Завоеватели подчиняют другие племена и народы и создают ксенократические общества, в которых они становятся правящим военным сословием, а покоренные туземцы — эксплуатируемым низшим сословием. С другой стороны, перед лицом военной угрозы соседние общества стремятся заимствовать технологию противника: перед волной экспансии следует диффузионная волна заимствований — причем часто заимствуется не только технология, но также социально-экономические порядки и культурные обычаи завоевателей. Далее начинаются процессы социального синтеза, в ходе которых некоторые привнесенные инновации могут быть отторгнуты в результате традиционалистской реакции [Нефедов, 2010, с. 20–27; Крадин, Скрынникова, с. 49, 59].

Таким образом, в рамках трехфакторной модели внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются диффузионные волны, порожденные различными фундаментальными открытиями.

Воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий [Гринин, с. 61]. Географический фактор является формообразующим, он участвует в формировании различных хозяйственных типов (например, обществ, земледельцев и кочевников), а в дальнейшем его влияние проявляется в процессах социального синтеза, которые начинаются в результате взаимодействия различных обществ.

На Урале важная роль географического фактора была обусловлена расчлененностью этого региона на различные природно-климатические зоны — зону степей

и зону лесов. Для внутренних областей Евразии характерен резкоконтинентальный засушливый климат, поэтому степи здесь проникают далеко на север. В Приуралье, на левобережье реки Белой расположены самые северные степи Евразии — так называемый Дёмско-Чермасанский степной коридор, «северный выступ» Великой степи. Лесостепь здесь также поднимается к северным широтам, и расположенная в долине реки Ай Месягутовская лесостепь глубоко вторгается в зону лесов.

Засушливый климат неблагоприятен для земледелия, поэтому зона земледельческого освоения в Предуралье располагалась севернее, чем в западной части Русской равнины. Условия для развития земледелия на Урале были сравнительно неблагоприятными. Число дней в году с температурой выше нуля градусов в районе Кирова, Уфы, Екатеринбурга составляет 200–210, примерно столько же, сколько в районе Вологды, и на 10–20 дней меньше, чем в районе Москвы. Сумма температур выше десяти градусов составляет в Екатеринбурге 1700, а в Москве 2100; это означает, что на Среднем Урале могут возделываться только самые неприхотливые культуры, прежде всего рожь и овес [см.: Каблуков, с. 22; Павлова, с. 70, 113].

В степях лишь немногие земли были доступны для обработки мотыгой, поэтому плотность скотоводческого населения ограничена размерами пастбищ, по оценке Ратцеля, она не могла превышать 2 чел./км² [Ratzel, с. 173]. Таким образом, плотность скотоводческого населения превосходит максимальную плотность для охотников и собирателей, но она в 5–10 раз меньше, чем у мотыжных земледельцев. Экологическая ниша скотоводов очень узка, и перенаселение наступает достаточно быстро. Начинает действовать демографический фактор: нехватка пастбищ приводит к войнам между кочевниками и к попыткам подчинения земледельческих племен.

Роль технологического фактора наиболее ярко проявилась в освоении степняками навыков верховой езды. Кавалерия обеспечила кочевникам полное военное превосходство, и волны завоеваний вскоре распространились за пределы Великой степи. В соответствии с этой теорией завоевания приводили к созданию ксенократических обществ, в которых кочевники становились военной знатью, а покоренные туземцы — зависимым населением, крепостными или рабами.

Важным рубежом в жизни приуральских племен стали события, связанные с Великим переселением народов. В основе этой грандиозной миграции лежала волна завоеваний, порожденная фундаментальной технической инновацией — появлением стремени. Стремя сделало всадника устойчивым в седле и позволило применять характерную для средневековых рыцарей тактику таранного удара. Новое оружие стало достоянием обитавших в восточной части Великой степи тюркских племен, и военная экспансия тюрков вынудила сармат, гуннов, угров уходить на запад. Часть этих беженцев пыталась закрепиться на северной, приуральской окраине Великой степи; вскоре к ним присоединились некоторые тюркские племена, потерпевшие поражение в междоусобной борьбе: сначала булгары, а затем печенеги. Вместе с печенегами в Приуралье в IX в. пришли их родичи-башкиры, которые впоследствии дали свое имя перемешавшимся в «северном выступе» степи осколкам племен-беглецов [История Башкортостана, с. 84–87].

Лишенные возможности осенних перекочевков на юг, беглецы были вынуждены приспособливаться к снежным зимам Приуралья. Летом башкиры кочевали по степям, но одновременно готовили зимнюю стоянку, косили траву и заготавливали корма. Зимой часть стада — жеребых кобылиц и овцематок — держали на стоянке в стойлах, а сильных лошадей и жеребцов выгоняли на зимние пастбища. Лошади могли «тебеневать», разгребать копытами снег и есть жухлую траву; следом за ними шли овцы, которые доедали остатки. Конечно, этот метод давал лишь скудное пропитание для стад, и к весне многие животные погибали [История Башкортостана, с.100].

В то время как башкиры оставались в степи, булгары продвинулись в леса за Волгу и Каму и подчинили часть земледельческих удмуртских племен. В результате социального синтеза на Средней Волге появилась Великая Булгария. Роды булгар включали в себя покоренных земледельцев и насчитывали тысячи членов; центрами родовых владений были небольшие укрепления замкового типа. Жившее на периферии зависимое население платило налог мехами — шкурку соболя с каждого дома. Меха составляли главный предмет торговли с «цивилизованными» странами Средней Азии: из Хорезма в Булгар регулярно приходили большие караваны мусульманских купцов. Тесные торговые связи с мусульманским Хорезмом и диффузионное влияние могущественного Арабского халифата привело к постепенной исламизации Булгарии. В 922 г. правитель булгар, «йылтывар» Алмас, созвал сход булгарских племен, на котором был принят ислам. В Булгарию были приглашены мусульманские проповедники, там были созданы мечети и начальные школы. Таким образом, Булгария стала северным форпостом мусульманского мира, сюда проникла мусульманская цивилизация и образованность. На основе арабского алфавита была создана булгарская письменность; появились местные богословы, литераторы, историки и поэты. Булгар и Сувар были городами с населением в 10 тыс. человек, в которых работали мусульманские ремесленники и возводились здания из кирпича. Впрочем, большинство домов были деревянными и служили лишь зимними жилищами для булгар, которые летом уходили кочевать в степь [Артамонов, с. 402; Ибн Фадлан, с. 297, 324; Фахрутдинов, с. 27, 29, 47, 77, 81, 86].

В XIII в. Приуралье захлестнула новая волна нашествий из Великой степи. Монгольское нашествие было связано с новой фундаментальной военно-технической инновацией, появлением сложносоставного «монгольского» лука. Этот лук был намного мощнее прежних луков «гуннского» типа и обеспечил монголам полное военное превосходство над их противниками. Тюрки-кипчаки, господствовавшие ранее в западной части Великой степи, были разгромлены монголами и вошли в состав западного монгольского улуса — Золотой Орды. Некоторые из кипчакских племен бежали в северную приуральскую степь и присоединились к башкирам, но вскоре все эти племена были вынуждены подчиниться монголам.

В 1236 г. монголы взяли Булгар и полностью разорили центральные области Великой Булгарии. Уцелевшее население бежало за Каму, но монголы преследовали беглецов и в 1240 г. заняли и опустошили южные области Удмуртии.

Удмурты были вынуждены переселяться на Вятку, где к ним присоединились беженцы из русских княжеств. Во второй половине XIII в. здесь образовалась Вятская земля — маленькое государство, которым правили воеводы, избираемые из числа русских и удмуртских «бояр» [Голдина, с. 289, 323, 328, 331].

После завоевания Китая монголы усвоили китайские административные традиции, включавшие проведение переписей, деление на «десятки» и «сотни», налоги, собираемые присланными из центра чиновниками. Главных налоговых сборщиков в Монгольской империи называли даругачами или даругами, позднее этот термин стал обозначением налогового округа или административной единицы. Эта китайская система управления распространялась на все области, входившие в состав Золотой Орды, в том числе на болгарские, удмуртские и башкирские земли. Основным налогом с кочевников был «купчур» — одна голова со ста голов скота; с лесных народов собирали налог мехами — ясак [История Башкортостана, с. 123].

Тем временем мощное диффузионное влияние мусульманской цивилизации Ближнего Востока привело к тому, что при хане Узбеке (1313–1341) правящая верхушка Золотой Орды приняла ислам. Монголы к тому времени в значительной части ассимилировались и приняли язык кипчаков, которые, в свою очередь, стали называть себя по имени одного из монгольских племен — татарами. Наиболее распространенным языком межплеменного общения стал язык кипчаков-татар — тюрки, один из тюркских языков. Таким образом, в Золотой Орде распространилась мусульманская культура и основанная на арабском алфавите письменность тюрки. Город Булгар был восстановлен и снова стал северным форпостом мусульманского мира. Распространение ислама среди башкир было отмечено строительством первых в Башкирии каменных сооружений, мавзолеев местных улемов и ханов [История Башкортостана, с. 157, 175–176].

Однако правление Узбека закончилось внезапной катастрофой. Э. С. Кульпин ищет объяснение этой катастрофы в закономерностях демографического цикла, в перенаселенности степей, в резком увеличении численности скота и в стравливании пастбищ, которое должно было привести к экологическому кризису [Кульпин, с. 82–84]. Ал-Омари сообщает, что кочевники обнищали до такой степени, что были вынуждены продавать в рабство своих детей [цит. по: Греков, Якубовский, с. 117]. Как известно, эпидемии в первую очередь поражают регионы, в которых люди страдают от хронического недоедания. В 1346 г. разразилась катастрофа: пришла «Черная Смерть». «Бысть мор силен на Бесермены и на Татарове... — говорит русская летопись, — яко не бе кому их погребати» [ПСРЛ, 2003, с. 225]. «Только в Крыму тогда погибло от чумы 85 тыс. человек, — писал М. Г. Сафаргалиев. — От последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться» [Сафаргалиев, с. 372].

Таким образом, в 1346–1348 гг. в Золотой Орде произошла полномасштабная катастрофа, завершившая демографический цикл. Монархия, созданная Узбеком, выдержала этот первый удар, но сокращение доходов, вызванное уменьшением численности податного населения, привело к междоусобной борьбе знатных кланов. В результате этих внутренних распрей Золотая Орда распалась на несколько враждующих ханств.

Наследником Золотой Орды в Приуралье стало Казанское ханство, которое включало в себя большую часть удмуртских и башкирских земель. Привилегированным военным сословием в Казанском ханстве были огланы — воины-татары, получавшие за свою службу небольшие поместья. Эти поместья обрабатывали закрепощенные крестьяне из местного населения и приведенные из походов пленники. Военную службу несли также простые татары, которых обычно называли казаками. В войско включались также тарханы — воины из местного населения, в том числе наиболее зажиточные башкиры и удмурты, которым за службу давали освобождение от налогов. Простой народ платил налоги (главным из которых был ясак) и выполнял повинности, в том числе повинность по обслуживанию почтовых станций — ям [Худяков, с. 205, 211, 212].

Как и Золотая Орда, Казанское ханство испытывало сильное диффузионное влияние мусульманской цивилизации Ближнего Востока. Оживленные торговые пути связывали Казань с Хорезмом и персидскими портами на Каспии. М. Г. Худяков отмечает, что должности чиновников в Казанском ханстве имели арабо-персидские названия (в отличие от названий должностей в Золотой Орде и в Крыму, где преобладала тюркская номенклатура) [Там же, с. 209]. Вероятно, поместная система содержания огланов была также заимствована из Персии, где такие поместья назывались икта.

Следующий этап в истории Урала был связан с новой волной завоеваний, которая была вызвана появлением огнестрельного оружия. Огнестрельное оружие впервые появилось в Китае; затем было усовершенствовано в Западной Европе, где стали делать аркебузы с фитильным замком. Однако военная организация, позволяющая эффективно использовать огнестрельное оружие, была впервые создана в Османской империи — знаменитый корпус «ени чери оджагы», янычары. Эта фундаментальная инновация породила волну османских завоеваний и вынудила другие страны создавать аналогичные воинские подразделения. Русский царь Иван IV создал «пушечный наряд» и подразделения стрельцов, что, в свою очередь, породило волну русских завоеваний. В 1552 г. было завоевано Казанское ханство. Военные действия имели ожесточенный характер и привели к опустошению обширных территорий, в том числе и в Удмуртии; часть населения бежала на север и на восток. Опустевшие земли стали собственностью Русского государства и впоследствии были заселены крестьянами из центральных районов России [Худяков, с. 223].

После взятия Казани Иван IV разослал «по всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты, чтобы шли к государю, не бояся ничего... а их государь пожалует, а они бы ясак платили, яко же и прежним казанским царем» [ПСРЛ, 2000, с. 221]. Башкиры и удмурты вошли в состав России в качестве ясачных, или государственных, крестьян; они платили налоги, но в целом находились в лучшем положении, чем крепостные крестьяне Центральной России. Свободные от налогов тарханы, как и раньше, несли военную службу, но теперь служили русскому царю. Административные единицы, как и прежде, назывались дорогами. Русские переселенцы поначалу осваивали в основном земли на Вятке и Каме; как и удмурты, они имели статус государственных крестьян; помещичьего землевладения здесь

практически не было. После катастрофы времен Великой смуты (которая завершила очередной российский демографический цикл) в центральных районах России было достаточно свободной земли — и колонизация была медленной. С ростом населения в XVIII в. колонизация ускорилась, и к 1795 г. удмурты составляли лишь 14 % населения Вятской губернии [см.: Очерки истории..., с. 144].

Завоевание, как это обычно бывает, привело к частичной ассимиляции и к перениманию удмуртским населением аграрных технологий и обычаев русского народа. Происходит окончательный переход от подсеки к пашенному земледелию и использованию «вятской сохи». Распространяются посевы озимой ржи, льна, а позднее — картофеля. Удмурты стали строить дома по образцу русских изб [Там же, с. 151, 201].

Русское правительство проводило активную ассимиляционную политику, проявлявшуюся, в частности, в насаждении православия. Новокрещеных на несколько лет освобождали от податей, а для «упорствующих язычников» подати, наоборот, увеличивались. Священников сопровождали воинские команды, которые иногда не останавливались перед насилием и разорением языческих деревень. В целях приобщения местного населения к христианству была создана удмуртская письменность на основе кириллицы, а в 1786 г. была издана Библия на удмуртском языке. Однако грамотность среди удмуртского населения распространялась очень медленно; в начале XX в. доля грамотных среди взрослого населения составляла лишь 7 % [Очерки истории, с. 84, 107–108, 267].

В Башкирии сопротивление местного населения до 1740-х гг. делало русскую земледельческую колонизацию практически невозможной. Воинственные и свободолюбивые башкиры отвечали восстаниями на попытки занятия их земель и увеличение ясака; особенно большие восстания имели место в 1662–1664, 1681–1684 и 1704–1711 гг. Русское присутствие в Башкирии в это время ограничивалось гарнизонами в нескольких крепостях, куда башкиры сами доставляли положенное количество ясака, в основном пушнины [История Башкортостана, с. 179–220].

Вхождение Урала в состав обширного Российского государства обусловило значительную интенсификацию диффузионных процессов. Распространявшиеся в Западной и Центральной Европе завоевательные и диффузионные волны стали непосредственным образом сказываться на историческом развитии далекого Уральского региона. С началом Нового времени наступила эпоха, когда развитие военных технологий стало немыслимо без развития промышленности. В XVII в. в Европе распространялась диффузионная волна, вызванная созданием шведской легкой артиллерии и победами короля Густава Адольфа. Эта волна дала первый толчок развитию российской металлургии — создаются чугунолитейные заводы в Туле и Пыскорский медеплавильный завод на Урале. Следующая диффузионная волна, пришедшая в Россию в конце XVII в., была обусловлена появлением снабженной штыком фузеи и созданием новой линейной тактики. Освоение этой тактики и создание регулярной армии европейского образца стало целью реформ Петра I. Необходимость обеспечить эту армию мощной артиллерией и пехотным оружием стала причиной создания комплекса металлургических и оружейных заводов на Урале — заводов, которые на столетия определили экономический облик региона.

Горные заводы строились на землях, принадлежавших башкирским племенам, что вызвало сопротивление кочевников. В 1734 г. российское правительство приступило к осуществлению масштабного плана по окончательному подчинению обширных территорий от Волги до Урала. Предусматривалось создание Оренбургской губернии и строительство 26 крепостей, которые обеспечили бы горнозаводскую и земледельческую колонизацию края; в Башкирию были отправлены значительные контингенты регулярной армии. Ответом башкир были два больших восстания (1735–1740, 1755–1756). При подавлении этих восстаний погибла значительная часть башкирского населения, десятки тысяч башкир бежали в казахские степи [История Башкортостана, с. 221–261].

После подавления башкирских восстаний начался процесс земледельческой колонизации края. Русские дворяне переселяли на пожалованные им башкирские земли своих крепостных из центральных уездов. Горнозаводчики, чтобы обеспечить свои предприятия рабочей силой, покупали тысячи крепостных и привозили их на Урал. Испытывавшие недостаток земли государственные крестьяне нечерноземных губерний переселялись на Урал по собственной инициативе и с молчаливого разрешения властей. В Башкирию переселялись и татары, страдавшие на своей родине от земельной тесноты. К концу XVIII в. переселенцы уже превосходили своей численностью башкирское население, которое значительно уменьшилась в результате подавления восстаний [История Башкортостана, с. 265–266].

В послепетровский период диффузионное влияние Западной Европы привело к усвоению русским дворянством аристократических традиций Запада, в том числе стремления к роскоши. За роскошь дворянства пришлось расплачиваться крепостным крестьянам, повинности которых быстро росли, а социальное положение было низведено до положения рабов. В Приуралье было много крепостных, переведенных сюда своими помещиками, а на горных заводах крепостные составляли почти половину работных людей [История Башкортостана, с. 303]. В этих условиях в 1773 г. на Южном Урале вспыхнуло восстание Пугачева. Оно было начато оренбургскими казаками, поднявшимися на защиту своих вольностей, и поддержано крепостным населением деревень и заводов, а затем к нему присоединились башкиры, стремившиеся вернуть отнятые у них земли. Восставшие сожгли все заводы Оренбургской губернии и двинулись за Волгу поднимать крепостных Центральной России, однако потерпели поражение.

Участие башкир в восстании Пугачева было последней попыткой кочевников отстоять свои земли от русской промышленной и земледельческой колонизации. В первой половине XIX в. эта колонизация приняла небывало широкие масштабы; за полвека население Оренбургской губернии увеличилось почти в три раза; в 1850 г. башкиры составляли лишь пятую часть населения края. Башкиры утратили большую часть земель и уже не могли, как прежде, вести экстенсивное скотоводческое хозяйство. Основная часть башкирского населения Оренбургской губернии перешла к земледелию, заимствуя у русских поселенцев их методы ведения хозяйства. Полукочевое скотоводство преобладало лишь в юго-восточных степях [История Башкортостана, с. 341, 367].

Первая половина XIX в. ознаменовалось новым технологическим переворотом — так называемой промышленной революцией. Это была целая серия фундаментальных открытий. Появление паровой машины, пароходов и железных дорог, фабрик, оснащенных разнообразными станками, глубоко изменило жизнь людей. Промышленная революция дала в руки Запада новое оружие — винтовку, которая обеспечила победу Англии и Франции в Крымской войне. В Россию пришла диффузионная волна перенимания западной промышленной технологии и западных социальных порядков, что привело к Великим реформам и сыграло большую роль в освобождении крестьян. На Урале, помимо освобождения крестьян, эти перемены проявились в создании оснащенных новой техникой промышленных предприятий, в том числе выпускавшего пароходы Воткинского судостроительного завода. В 1875–1878 гг. была построена первая на Урале большая железная дорога, соединившая Пермь и Екатеринбург.

Помимо технологического фактора, на развитие Российской империи действовал и демографический фактор. Его влияние проявлялось в росте населения, который приводил к нехватке пахотных земель, аграрному перенаселению и падению потребления. Во второй половине XIX в. среднее душевое потребление в Центральной России находилось на уровне минимально допустимой нормы. В условиях большого разброса в величине крестьянских наделов это означало, что примерно половина населения находилась в условиях постоянного недоедания. Ситуация осложнялась тем, что Центральная Россия была областью наибольшего развития помещичьего землевладения, поэтому крестьянское малоземелье порождало здесь лозунг «черного передела» и конфискации помещичьих земель [см.: Нефедов, 2011, с. 330–337].

В окраинных областях Российской империи, и в том числе на Урале, положение было иным: здесь было достаточно земли и пастбищ, а помещичье землевладение было неразвито. Если в Тамбовской губернии средний крестьянский надел составлял 7 десятин, то в Вятской губернии — 16, Пермской губернии — 15,8, а в Оренбургской — 28,8 десятины [Статистика землевладения, с. 102, 103, 105, 125]. Некоторая нехватка земли ощущалась лишь в западной части Уральского региона, Уфимской губернии и Прикамье. В целом уровень потребления крестьян на Урале был значительно выше, чем в центральных районах, поэтому здесь не было столь острых социальных конфликтов, как в Центральной России.

Согласно неомальтузианской теории, аграрное перенаселение Центральной России должно было вызвать э к о с о ц и а л ь н ы й к р и з и с — крестьянские восстания, революцию и гражданскую войну. Русская революция проходила под лозунгами «Земля и воля!», «Земля — народу!», а гражданская война была, по сути, крестьянской войной, в которой крестьянство Центральной России сражалось за землю. Но для обеспеченного землей уральского крестьянства революция и гражданская война были в основном сторонним конфликтом: крестьянство было вовлечено в этот конфликт лишь постольку, поскольку оно протестовало против бесконтрольных реквизиций белых и продрозверстки красных.

После окончания экосоциального кризиса, согласно демографически-структурной теории, должна была наступить фаза восстановления. Теория утверждает, что

после окончания войн и революций должны наблюдаться увеличение крестьянских наделов, уменьшение хлебных цен и ренты, увеличение потребления, повышение уровня жизни, и в результате — ускоренный рост населения. На структурном уровне кризис означает гибель значительного числа крупных собственников и уравнилельное перераспределение собственности или ее огосударствление [см.: Нефедов, 2007, с. 99–101].

Как было показано в одной из работ автора [Нефедов, 2009], эти характерные черты фазы восстановления действительно наблюдались в СССР в 1920-х гг. Раздел помещичьих земель привел к увеличению потребления крестьян примерно на 20–40 %. Эпоха нэпа была самым сытым временем в жизни крестьянства, когда душевое потребление продуктов питания составляло около 3000 ккал в сутки (больше, чем в наше время), а налоги не превосходили 4 % чистого дохода [см.: Нефедов, 2009, с. 121–122, 130].

Характерные черты периода восстановления в наибольшей степени проявлялись в Центральной России. Поскольку уровень жизни на Урале и прежде был удовлетворительным, увеличение потребления здесь было не столь значительным. Однако за счет относительного многоземелья доходы уральских крестьян оставались примерно на треть выше, чем в Центральном Черноземье [Там же, с. 130].

Уровень потребления крестьян повысился, но, поскольку численность населения восстановилась уже к 1926 г., в деревне снова образовался избыток рабочих рук. Перенаселение деревни проявлялось в измельчании крестьянских наделов, в большом числе безлошадных хозяйств, в падении производительности крестьянского труда. Аграрное перенаселение носило сезонный характер: в период уборки урожая, один месяц в году, деревня испытывала недостаток рабочей силы, но большую часть года десятки миллионов крестьян оставались без дела [см.: Струмилин, с. 453].

Вслед за революцией коллективизация, стала еще одним проявлением вмешательства внешних факторов в жизнь уральской деревни. На этот раз внешний фактор был проявлением глобального европейского демографически-структурного кризиса. Кризис, обусловленный перенаселением и недостатком ресурсов, в первой половине XX в. имел общеевропейский характер; он породил не только русскую революцию, но и две мировые войны. В этой обстановке военная угроза извне требовала создания мощной промышленности, что было возможно лишь посредством механизации сельского хозяйства и высвобождения миллионов сельских тружеников, которых планировалось направить в промышленность. С другой стороны, чтобы обеспечить массы новых промышленных рабочих, требовалось отнять большую часть урожая у оставшихся в деревне крестьян. Это не могло не вызвать сопротивления крестьян, которое привело к «аграрной стачке» 1932 г. и последовавшему за ней голоду.

Несмотря на эти трагические обстоятельства, коллективизация достигла своей цели: в 1926–1939 гг. из деревень в города переселилось 18,5 млн человек. На Урале, который был одним из основных центров промышленного строительства, число переселенцев составило 600 тыс. и еще примерно 800 тыс. человек прибыли из других

регионов. Городское население региона увеличилось почти в три раза, а его доля во всем населении возросла с 20 до 47 % [Нефедов, 2013, с. 50, 52].

Великая Отечественная война привела к эвакуации на Урал сотен промышленных предприятий и свыше миллиона рабочих. Урал стал «опорным краем державы», в годы войны он давал до 40 % промышленной продукции СССР. Хозяйственный облик региона полностью изменился: сельское хозяйство и аграрные отношения отошли на второй план.

С окончанием войны окончился и европейский демографически-структурный кризис; проблема нехватки ресурсов была решена путем аграрной модернизации и либерализации торговли. В СССР возобновился период восстановления, прерванный Второй мировой войной. Освоение целины и применение минеральных удобрений обеспечили рост потребления продуктов питания вплоть до 1980-х гг. В этот период демографический фактор уже не определял направление общественного развития.

После создания ядерного оружия военное соперничество приобрело характер технологического соревнования; историю теперь определял главным образом технологический фактор. Урал стал одним из основных центров развития атомной промышленности и создания новых военных технологий. Однако в конечном счете Советский Союз проиграл технологическое соревнование. В 1980-е гг. на Западе произошла новая техническая революция: микроэлектроника, промышленные роботы, компьютеры, видеомагнитофоны стали символом превосходства западной цивилизации, не только военного, но и культурного. Новая мощная волна диффузионного влияния Запада подрывала идеологические устои советской власти, и Советский Союз не смог устоять перед этой волной [Алексеев, Нефедов, с. 74–76].

Таким образом, можно утверждать, что история Урала так же, как история других регионов и других стран, в значительной мере определялась взаимодействием трех факторов — демографического, технологического и географического. При этом история Урала является частью истории России, и ее понимание возможно лишь в контексте глобальных процессов, определявших течение российской и мировой истории.

Алексеев В. В., Нефедов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 66–77. [Aleksseev V. V., Nefedov S. A. Gibel Sovetskogo Soyuza v kontekste istorii mirovogo sotsializma // Obshchestvennyye nauki i sovremennost. 2002. N 6. S. 66–77.]

Алексеева Е. В., Нефедов С. А. Россия и Урал в мировых диффузионных волнах XVII–XIX вв. (военно-технологический аспект) // Урал. ист. вестн. 2013. № 1. С. 28–34. [Aleksseeva E. V., Nefedov S. A. Rossiya i Ural v mirovyykh diffuzionnykh volnah XVII–XIX vv. (voenno-tehnologicheskii aspekt) // Ural. ist. vestn. 2013. N 1. S. 28–34.]

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. 523 с. [Artamonov M. I. Istoriya hazar. L., 1962. 523 s.]

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. 422 с. [Goldina R. D. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda. Izhevsk, 2004. 422 s.]

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950. 478 с. [Grekov B. D., Yakubovskiy A. Yu. Zolotaya Opda i eyo padenie. M.; L., 1950. 478 s.]

Гринин Л. Е. Эпоха формирования государства. М., 2007. 368 с. [Grinin L. E. Epoha formirovaniya gosudarstva. M., 2007. 368 s.]

Емельянов И. П. (ред.) Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск, 1958. 287 с. [Emelyanov I. P. (red.) Ocherki istorii Udmurtskoy ASSR. T. 1. Izhevsk, 1958. 287 s.]

Ибн Фадлан. Книга Ахмеда ибн Фадлана // Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб., 2006. С. 297–339. [Ibn Fadlan. Kniga Ahmeda ibn Fadlana // Kestler A. Trinadtsatoe koleno. Krushenie imperii hazar i ee nasledie. SPb., 2006. S. 297–339.]

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1997. 519 с. [Istoriya Bashkortostana s drevneyshih времен do 60-h godov XIX v. Ufa, 1997. 519 s.]

Каблуков Н. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1899. 309 с. [Kablukov N. Ob usloviyah razvitiya krestyanskogo hozyaystva v Rossii. M., 1899. 309 s.]

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. 557 с. [Kradin N. N., Skryinnikova T. D. Imperiya Chingis-hana. M., 2006. 557 s.]

Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2007. 176 с. [Kulpin E. S. Zolotaya Orda. Problemyi genezisa Rossiyskogo gosudarstva. M., 2007. 176 s.]

Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 5–136. [Maltus T. R. Opyit o zakone narodonaseleniya // Antologiya ekonomicheskoy klassiki. T. 2. M., 1993. S. 5–136.]

Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. 141 с. [Nefedov S. A. Kontseptsiya demograficheskikh tsiklov. Ekaterinburg, 2007. 141 s.]

Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. 209 с. [Nefedov S. A. Agrarnye i demograficheskie itogi russkoy revolyutsii. Yekate-rinburg, 2009. 209 s.]

Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 1. М., 2010. 376 с. [Nefedov S. A. Istoriya Rossii. Faktorniy analiz. T. 1. M., 2010. 376 s.]

Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011. 686 с. [Nefedov S. A. Istoriya Rossii. Faktorniy analiz. T. 2. M., 2011. 686 s.]

Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. 283 с. [Nefedov S. A. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoy kollektivizatsii. Tambov, 2013. 283 s.]

Павлова М. Д. Практикум по агрометеорологии. Л., 1984. 184 с. [Pavlova M. D. Praktikum po agrometeorologii. L., 1984. 184 s.]

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. 544 с.; Т. 5. Вып. 1. М., 2003. 256 с. [Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 13. M., 2000. 544 s.; T. 5. Vyp. 1. M., 2003. 256 s.]

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 293–315. [Safargaliev M. G. Raspad Zolotoy Ordyy // Na styike kontinentov i tsivilizatsiy. M., 1996. S. 293–315.]

Статистика землевладения 1905 г. : свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. 199 с. [Statistika zemlevladieniya 1905 g. : svod dannyyh po 50 guberniyam Evropeyskoy Rossii. SPb., 1907. 199 s.]

Струмилин С. Г. Социальные проблемы пятилетки // На плановом фронте. 1920–1930. М., 1958. С. 448–502. [Strumilin S. G. Sotsialnyie problemyi pyatiletki // Na planovom fronte. 1920–1930. M., 1958. S. 448–502.]

Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. 215 с. [Fahrutdinov R. G. Ocherki po istorii Volzhskoy Bulgarii. M., 1984. 215 s.]

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. 319 с. [Hudyakov M. G. Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva. M., 1991. 319 s.]

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. London, 1991. 608 p.

Ratzel F. Anthropogeographie. Bd. 2. Stuttgart, 1922. 382 S.

Статья поступила в редакцию 28.12.2013 г.